

ОТДѢЛЪ НЕОФФИЦІАЛЬНЫЙ.

I.

СЛОВО

ВЪ НЕДѢЛЮ О СЛѢПОМЪ И ПО ПОВОДУ ВОЗЗВАНІЯ
О ПОЖЕРТВОВАНІИ ВЪ ПОЛЗУ СЛѢПЫХЪ И ОСО-
БЕННО ВОИНОВЪ, ПОТЕРЯВШИХЪ ЗРѢНІЕ НА ВОЙНѢ.

*Равви, кто согрѣши, сей м,
или родителя его, яко слѣпъ
родися. (Ев. Іоан. IX, 2)?*

Такъ спрашивали Господа Іисуса ученики Его въ Іеру-
салимѣ, когда Онъ встрѣтилъ тамъ нѣкоего слѣпца отъ рож-
денія. *Кто согрѣши...., яко слѣпъ родися?*

Незнаю, что слышите вы, братія, въ вопросѣ учениковъ
Христовыхъ; но, мнѣ кажется, въ немъ слышится не недо-
умѣніе только ихъ, но вмѣстѣ и своего рода увѣренность:
недоумѣніе въ частностихъ, увѣренность въ общемъ. Они не-
знаютъ, а желали бы только знать, кто именно виновникъ
несчастія слѣпорожденнаго: онъ ли самъ, или родители его?
Это недоумѣніе. Но въ то же время они, не колеблясь, объ-
ясняютъ несчастіе его не другимъ чѣмъ, какъ однимъ грѣ-
хомъ предъ Богомъ, или Божією казнію за содѣянный
кѣмъ-то тяжкій грѣхъ. Кто согрѣши,... яко слѣпъ родися?
спрашиваютъ они. Это увѣренность.

Недивитесь, братія, вопросу учениковъ Христовыхъ. До
просвѣщенія своего Духомъ Святымъ, который только позже
уже *наставилъ ихъ на всяку истину*, и они были еще не
болѣе, какъ дѣти своего народа и своего времени. Какъ от-
цы ихъ и братья, такъ равно и они смотрѣли на всякое
земное несчастіе, на всякое увѣчье и лишеніе не иначе, какъ

на наказаніе только Божіе за содѣянный грѣхъ. Изъ этого собственно источника, при взглядѣ на слѣпорожденнаго, и истекалъ рѣшительный вопросъ ихъ: *кто здѣсь согрѣши?* Правда, свѣтъ Христова ученія горѣлъ уже передъ ними ярко, но не менѣе правда и то, что, за не подготовленностію еще ихъ, за неспособностію къ полному воспріятію его, онъ западалъ въ ихъ душу, такъ сказать, пока только искрами. Посему неудивительно, что до той поры, пока не почилъ на нихъ Духъ Святый, они не въ состояніи были еще возвыситься мыслію до неостижимости путей промысла Божія, которыми Онъ устрояетъ спасеніе человѣка: не возрасли еще и не поднялись настолько въ своемъ духѣ, чтобы, не вдаваясь въ свои человѣческія сужденія и не увлекаясь воззрѣніями предковъ и современниковъ, въ безмолвномъ благоговѣніи преклоняться предъ неисчерпаемостію и неизслѣдимостію глубинъ премудрости Божіей; не догадывались даже, что премудрость эта, по своему усмотрѣнію, предназначаетъ и предусвояетъ въ судьбахъ людей иногда такое, что не зависитъ ни отъ личнаго ихъ нравственнаго достоинства или недостойнства, ни отъ личной виновности или невинности ихъ, а предназначается, предусвояется и въ данный моментъ допускается единственно съ тою цѣлію, да *явятся* чрезъ это *на нихъ* и на судьбахъ ихъ *дѣла Божія* (Ев. Іоан. IX, 3), да чрезъ эти частныя, но чрезвычайныя, дѣла Божія преподается общій урокъ всему міру, да предъ величіемъ этихъ дѣлъ смолкнетъ горделивая мысль человѣческая, *возносящаяся не рѣдко на разумъ Божій*, да познаетъ она безконечное владѣтельство Божіе надъ міромъ вообще и каждымъ человѣкомъ въ частности и да уразумѣетъ предѣлы, за чертою которыхъ прекращается область ея вѣдѣнія, а слышенъ только одинъ голосъ: *остановись, смирись, смертный, и въ благоговѣйномъ трепетѣ внимай, что изъ непреступнаго свѣта вѣщаетъ и открываетъ Богъ.*

Ни сей согрѣши, ни родители его, но да явятся дѣла Божія на немъ, отвѣтилъ на вопросъ учениковъ едиnorodный Сынъ Божій, *сынъ въ лоно Отца*, Иисусъ Христосъ, Учитель міра.

Ни сей согрѣши. Мы не раздѣляемъ мнѣнія тѣхъ, которые вопросятъ учениковъ: *сей ли согрѣши?*—хотя бы объяс-

нить существовавшимъ будто во времена Христовы върованіемъ Иудеевъ въ душепреселеніе и, въ силу этого, даютъ вопроеу ихъ такой смыслъ: не за прежнюю ли де дурную жизнь, какую слѣпецъ велъ до переселенія души его въ настоящее тѣло, былъ пораженъ онъ слѣпотою при новомъ появленіи его на свѣтъ? Не раздѣляемъ потому, что сердцевъдецъ— Христось, учитель непреложной истины, зная такого рода помышленія учениковъ своихъ, не сказалъ бы имъ: *ни сей согрѣши*. Не сказалъ бы потому, что такимъ образомъ Онъ хотя и косвенно, прикровенно, но все же подтверждалъ бы Самъ ихъ заблужденіе.

Ни сей согрѣши, ни родители его, но да явятся дѣла Божія на немъ. По нашему убѣжденію, Христось въ отвѣтъ своему хотѣлъ дать ученикамъ своимъ понять только одно, именно, что причиною человѣческихъ несчастій не всегда бываетъ грѣхъ—личный или родовой, какъ думали они, ученики Его; что несчастія земныя Божіе провидѣніе допускаетъ иногда и по особымъ высшимъ цѣлямъ своего божественнаго міроуправленія, внѣ всякой личной или генетической (родовой) связи ихъ. Такому пониманію соотвѣтствуютъ вполнѣ слова Христовы: *да явятся дѣла Божія на немъ*. Евангелскій слѣпецъ будетъ, такимъ образомъ, только орудіемъ въ рукахъ провидѣнія Божія, а не предметомъ гнѣва, и слѣпорожденность его—не карою за чей бы то нибыло грѣхъ, а средствомъ къ проявленію чрезъ нее дѣлъ божественнаго провидѣнія.

Да явятся дѣла Божія на немъ.... Какія это дѣла? Тѣ именно, какія отъ вѣчности предначертаны Отцемъ небеснымъ, чтобы чрезъ нихъ засвидѣтельствовать о божествѣ Сына Его и чрезвычайности небснаго посольства Его на землю. Въ данномъ случаѣ это мы и видимъ изъ послѣдствій судебного дѣла о слѣпцѣ. Не только одинъ изъ всѣхъ допрошенныхъ выдержалъ онъ неустрашимо нападки и хулы судей на Иисуса и самоотверженно опровергалъ ихъ, но и послѣ, встрѣтивъ Иисуса, искренно сказалъ Ему: *спрашу, Господи, и поклонился Ему*, и, безъ сомнѣнія, въровалъ и поклонился Ему и проповѣдывалъ Его до послѣдняго своего дыханія, какъ посланнаго отъ Бога, какъ обѣтованнаго Мес-

сво. Какъ бы то впрочемъ ни было, мы все же не полно поняли бы учениковъ Христовыхъ въ данный моментъ, если бы поводъ къ вопросу ихъ объяснили только однимъ недолгумъ ихъ, или любопытствомъ. Мы думаемъ, что вопросъ ихъ о слѣпорожденномъ вызванъ былъ не однимъ лишь желаніемъ ихъ узнать, чей тяжкій грѣхъ приготовилъ ему такую печальную жребій. Думаемъ, что вызвало его не менѣе, если только не болѣе, и глубокое участіе ихъ въ безотраднѣйшемъ положеніи несчастнаго и желаніе ихъ обратить вниманіе Учителя на него и тѣмъ подвигнуть Его милосердіе на помощь ему.

Изъ Евангельскаго разсказа о несчастномъ узнаемъ мы, что вопросъ о причинѣ его слѣпорожденности дали Господу и при томъ какъ бы едиными устн и единымъ сердцемъ если не всё, то, безъ сомнѣнія, большинство учениковъ Его. *И спросиша Его ученицы Его*, говоритъ Евангелистъ. Не пылкій, значить, только Петръ и не наперсникъ только Его Іоаннъ, который и описалъ для насъ это событіе, — дѣтъ, спрашиваютъ Господа и другіе, если подъ словомъ — ученицы и не разумѣтъ ихъ всѣхъ. Во всякомъ случаѣ несомнѣнно, что печальная участь слѣпорожденнаго волновала и трогала всѣхъ и одинаково. Далѣе, на допросъ, какой произведенъ былъ фарисеями по поводу прозрѣнія слѣпорожденнаго, сосѣди сего о послѣдняго и всѣ прочіе свидѣтели дали, какъ видно изъ словъ Евангелиста, точное и положительное свѣдѣніе, что это извѣстный имъ *судій и просяй* (ст. 8), то есть, извѣстный нищій, который, въ урочный часъ, въ данномъ мѣстѣ, при храмѣ ли то Соломоновомъ, на перекресткѣ ли, или на площади, обыкновенно сидѣлъ и просилъ у прохожихъ милостыню для своего пропитанія. Слѣдовательно оиати такіе это были челоуѣкъ, который въ глазахъ учениковъ Христовыхъ, такъ много слышавшихъ изъ устъ Учителя о спасительныхъ урокахъ о милосердіи къ несчастнымъ, заслуживалъ особаго милосердія. Затѣмъ Евангелистъ хотя и не передаетъ намъ, нѣсколькихъ лѣтъ отъ роду былъ описанный имъ слѣпорожденный, но изъ его сказанія можно съ достовѣрностію полагать, что это былъ еще молодой челоуѣкъ, только — только что, можетъ быть, вышедшій еще изъ юно-

пешкаго возраста. Можно заключать такъ и изъ того, что оу него были живы отецъ и мать, и болѣе изъ того, что сии послѣдніе послѣ засвидѣтельствованія своего предъ фарисеями, что это дѣйствительно ихъ сыны, что дѣйствительно онъ и родился у нихъ слѣпымъ, желая избавиться отъ дальнѣйшихъ разспросовъ ихъ по обстоятельствомъ видѣанъ, сказали имъ рѣшительно: спросите его самого, объ этомъ; онъ взрослый, самъ можетъ разсказать вамъ, какъ совершилось его прозрѣніе. Да это и еще новая черта, вызывавшая особое состраданіе учениковъ Христовыхъ къ слѣпорожденному: молодость его.

Уже аномон ян
 имъ *Судай и просай!* Какая печальная доля слѣпцовъ! При всей кипучести силъ молодыхъ, требующихъ движенія и труда, сидѣть, однако, безъ дѣла, сидѣть на одномъ мѣстѣ, какъ бы прикованнымъ, и съ томительною тоскою выжидать, не пройдетъ ли, не скажится ли кто надъ ними! При всей безправности и стыдѣ вѣтъ чужой хлѣбъ, изо дня въ день, однако, протягивать руку за нимъ и кусокъ за кускомъ вымалывать его у другихъ! При всемъ желаніи помогать родителямъ въ случаѣ ихъ бѣдности, или дряхлости — и не сидѣть, однако, другой на это возможности, кромѣ повседневнаго опять таки протягиванія руки къ прохожимъ! О, горекъ чужой хлѣбъ для человѣка размышляющаго! Невыносимо тяжело каждую минуту чувствовать себя тунеядцемъ, бременемъ для другихъ, какимъ-то паразитомъ! Но несравненно тяжелѣе и прискорбнѣе — потерять при этомъ размышленіе, или заглушить скорбь сердца долговременнымъ привычкомъ къ милостынѣ, то есть, обращеніемъ ея въ попрошайство, въ ремесло. Тогда, оувы, несчастному грозитъ серьезная опасность: мало-по-малу, потерять и духовное зрѣніе. *нѣтъ имъ ахъ жох*

нѣтъ *Судай и просай!* Можетъ быть, Апостолы не разъ уже проходили мимо сего несчастнаго, не разъ трогались его юношескимъ видомъ, поражались и жалобнымъ голосомъ, какимъ вымалывалъ онъ себѣ кусокъ хлѣба у прохожихъ и, понимая тоску его сердца, глубоко сострадали ему. Удивительно ли послѣ сего, если въ тотъ моментъ, когда Учитель ихъ нарочито остановилъ свое вниманіе на несчастномъ, оу нихъ у всѣхъ одинаково закипѣло сердце и они тотчасъ же какъ-бы

въ одинъ голосъ спросили Его: *Равви, кто согрѣши, сей ли, или родителя его, яко смѣлъ родися*, выразивъ въ этомъ вопросѣ все, что по данному предмету было тогда на душѣ ихъ: и желаніе свое знать тайну слѣпорожденности несчастнаго, тѣмъ болѣе на этотъ разъ подстрекавшюю ихъ, что современное воззрѣніе, ставившее всякую несчастную долю человѣческую въ безусловную зависимость отъ содѣяннаго грѣха, не легко быть можетъ мирилось уже въ ихъ сознаниі съ предлежащимъ явленіемъ подѣ влияніемъ болѣе, или менѣе зарождавшихся уже въ нихъ новыхъ мыслей отъ благовѣстія Христова, — и глубокое состраданіе свое къ жалкой долѣ слѣпорожденнаго, и тайное, можетъ быть, даже моленіе къ Учителю, чтобы Онъ помогъ ему.

Мы думаемъ, что это было такъ, потому что при такомъ только взглядѣ становится болѣе понятною въ своей цѣльности Евангельская повѣсть о слѣпорожденномъ и легче уясняются ея частности.

Какъ-бы то, впрочемъ, ни было, но изъ разсмотрѣннаго нами вопроса учениковъ Христовыхъ и отвѣта на него Христа—Господа для всѣхъ насъ вытекаетъ самъ собою весьма важный урокъ: урокъ—удерживаться, при встрѣчѣ съ несчастными, отъ сужденій, особенно бросающихъ тѣнь на нихъ или ихъ родителей и воспитателей. Довольно, что предъ нами стоитъ, или сидитъ несчастный—нуждающійся въ помощи; ее,—помощь эту, по силѣ нашей, мы и должны оказать ему, чѣмъ только можемъ. Донскиваться же, какъ несчастный дошелъ до настоящаго своего положенія, дѣло не наше, какъ посягательство на высочайшее право. Есть, *естъ Инъ судитъ* нашимъ ближнимъ и ихъ прошлому. Это Тотъ, кто раздаетъ жребіи служеній и кресты человѣческіе по своему усмотрѣнію, покрытому для насъ всегда и на всегда глубочайшею тайною, до самаго откровенія суда Божія. Твердо будемъ помнить одно, что талантъ и скудоуміе, богатство и нищета, здоровье и болѣзни со всѣми увѣчьями, все это—пути, которыми Божественное провидѣніе ведетъ каждаго изъ насъ къ цѣли нашего бытія. И нескончаемый день вѣчности *яжитъ*, какъ безконечно премудры и цѣлесообразны были эти пути Божіи. О многихъ и многихъ стра-

дальцахъ узнано будетъ тогда, что страдали они не по грѣхамъ своимъ, а потому, чтобы явились на нихъ дѣла Божіи, и что страданія эти были потребны и полезны имъ на пути вѣчности. Отъ того въ собственномъ смыслѣ у Бога нѣтъ ни калѣкъ, ни увѣчныхъ: всѣ они способны къ жизни вѣчной, всѣ безъ исключенія призываются къ блаженному наслѣдію царствія Его.

Здѣсь бы намъ и закончить слово о Евангельскомъ слѣпцѣ; но нашего слова и притомъ нарочитаго, требуютъ отъ насъ и другіе слѣпцы, — слѣпцы собственно изъ нашего времени и, по преимуществу, воины, потерявшіе зрѣніе на войнѣ.

Благотворительное попечительство о слѣпыхъ, учрежденное достойною вѣчно-блаженной памяти Императрицею, Марією Александровною, и Святѣйшій Правительствующій Синодъ, съ Высочайшаго соизволенія Государя Императора, просятъ чрезъ насъ — священнослужителей, все русское население городовъ Имперіи и православные монастыри оказать посильную помощь этимъ слѣпцамъ, назначивъ мѣстомъ для сбора пожертвованій въ пользу ихъ святыя храмы, и временемъ — наступившую настоящую недѣлю, когда святая церковь воспоминаетъ явленное Христомъ милосердіе къ слѣпцу отъ рожденія. Такихъ-ли просителей не выслушать съ умиленіемъ? Такому ли мѣсту и времени не пробудить въ насъ состраданія къ несчастнымъ? Просятъ нашей посильной помощи слѣпцамъ съ цѣлю избавить ихъ отъ сидѣнія на перекресткахъ и у церкви для испрошенія милостыни. Этой ли цѣли не сочувствовать? Просятъ при томъ съ особеннымъ усердіемъ за воиновъ, которые потеряли зрѣніе на поляхъ битвъ съ врагами нашего отечества и церкви. Такими-ли не тронуться обстоятельствами? Тутъ-ли не подумать, какъ не справедливо, какъ жестокосердо и низко было-бы, съ нашей стороны, доводить наше равнодушіе до того, чтобы та рука, которая, за общую нашу честь и благо, на войнѣ держала съ честію бранный мечъ свой и разила враговъ, какъ-бы рука какого отребія, унижительно протягивалась къ намъ у церкви и на перекресткахъ — и за чѣмъ протягивалась? За привятіемъ ея какихъ нибудь кусочковъ, или вдовичьей леп-

ты! Тутъ-ли не подумать, какимъ жестокимъ укоромъ должна лечь на христіанскомъ и нашемъ имени жалобная мольба несчастныхъ у нашихъ церквей и домовъ—и мольба о чемъ? о кусочкѣ, или копѣчкѣ, вымалываемыхъ ими у насъ ради Христа, или великаго праздника! „Подайте ради великаго праздника невидущему, убогому, калѣкъ солдату!... Подайте Христа ради солдату слѣпому“!... О, нѣтъ,—нѣтъ, раздаватели кусочковъ и копѣчекъ, война, который запечатлѣлъ свою вѣрность присягѣ кровію и увѣчемъ, мы не должны допускать до такого унижительнаго способа пропитанія. Справедливость требуетъ изъавить его навсегда отъ стыда протягивать руку за нашимъ кускомъ, за нашею копѣйкой..

Евангелистъ Іоаннъ, передавая намъ сказаніе о слѣпорожденномъ, заканчиваетъ свое тѣмъ отраднымъ и назидательнымъ сообщеніемъ, что когда фарисеи, посрамленные отвѣтами слѣпорожденнаго, въ концѣ концовъ выгнали его вонъ, то встрѣтившійся съ Іисусомъ и узнавъ въ Немъ своего цѣлителя и Мессію, онъ тотчасъ-же воскликнулъ; *вѣрую, Господи, и поклонися Ему* (ст. 38). Это было все, что нашелся сказать и сдѣлать слѣпорожденный. Но это было вмѣстѣ и все, чего только въ данный моментъ и желалъ отъ него Божественный Чудотворецъ, такъ какъ самая цѣль чудотворенія Его была именно та, чтобы путемъ милосердія, чудесно отверзшаго тѣлесныя очи его, отверсть ему и очи духовныя, или возбудить въ немъ вѣру въ обѣтованнаго Спасителя міра, чтобы такимъ образомъ въ немъ и чрезъ него славилось достопоклоняемое имя Іисусово. Мало-ли будетъ и для насъ, если и мы устроениемъ лучшаго обезпеченія слѣпыхъ, достигнемъ того же самаго? Мало-ли будетъ для нашего христіанскаго утѣшенія, если щедротами нашими благодарившіе войны, и возчувствовавъ нашу попечительность о нихъ, въ слѣдъ за Евангельскимъ слѣпцомъ, изъ глубины благодарныхъ сердецъ своихъ, воззовутъ ко Господу: *вѣруемъ, Господи Іисусе, что благодатнымъ промысленіемъ Твоимъ Самъ Ты подвинулъ къ намъ сердца братій нашихъ и облегчилъ печаль нашу,—и поклонятся Ему?* Успокоенные нашею христіанскою любовію къ нимъ и изъавленные отъ унижительнаго способа пропитанія нашими

попеченіями о нихъ, тѣснѣе и мало, по малу забудутъ, забывая и печаль въ свою, и много крайней амѣры и увѣчья своего не станутъ считать; и незнаградимою реніемъ, потерю и. Въмѣсто міра вѣшняго, они и сосредоточатся во внутреннемъ въ своемъ мірѣ, отдадутся на наблюденію надъ своею душою и духовными потребностями ея, и такимъ образомъ, изощривъ свое духовное зрѣніе, воспитаютъ въ себѣ богомысліе и молитву. А это уже начатки духовной от радости и жизни вѣчной, предъ которыми блага земныя не болѣе, какъ *зубы*. И если кому, то именно слышамъ въ этомъ духовномъ состояніи остануть понятны слова, сказанныя въ утѣшеніе ихъ однимъ изъ величайшихъ въ мірѣ богослововъ (*). Одно тѣлесное зрѣніе, говоритъ св. Богословъ, не отличаетъ еще человѣка отъ комара и не возвышаетъ его надъ симъ послѣднимъ, потому что оно одинаково принадлежитъ и комару. Возвышаетъ его надъ комаромъ и отличаетъ отъ него собственно зрѣніе духовное, съ потерей котораго человѣкъ теряетъ все: Бога и Спасителя міра, святую церковь и жизнь загробную; одушу свою и ея богоподобныя свойства, кратко — становится тьмою, предвѣстницею тьмы кромѣшной. О, если бы, съ устройствомъ матеріальнаго обезпеченія слышцовъ, Господь помогъ намъ разсѣять оныхъ и душевную тьму и отверстимъ духовное зрѣніе! Воистину это было бы все, чего главнымъ образомъ мы и должны домогаться во всѣхъ дѣлахъ милосердія, такъ какъ чрезъ это проявится и слава Божія и устроится не только временное, но и вѣчное благо нашихъ братьевъ — страдалцевъ; исполнится заповѣдь любви къ нимъ; исполнится и долгъ справедливости. *Вотъ и пожертвуйте же, братія, отъ трудовъ вашихъ въ пользу слышцыхъ.* Вотъ и присланныя отъ мѣстнаго правительства лица для принятія вашихъ жертвъ. Но приступая къ пожертвованію, не забывайте словъ Апостола Христова, *что съяй скудостию, скудно и пожнетъ.* Аминь, *здравствуйте и здравствуйте* Протоіерей Вас. Розалиевъ. *здоровствуйте* (*). Григорій Богословъ. *здоровствуйте и здравствуйте*